

Г. А. Гребенщикова

ВОЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ШВЕЦИИ ПОД ВЫБОРГОМ В 1790 Г.

С начала 1780-х гг. шведский король Густав III начал основательную подготовку к войне с империей, во главе которой стояла его двоюродная сестра российская императрица Екатерина II¹. Далеко идущие замыслы Густава III в отношении удовлетворения территориальных претензий к России перевешивали здравую логику против такого необдуманного шага, от совершения которого Густава еще в 1770-х гг. настойчиво отговаривал его знаменитый дядя — прусский король Фридрих II. Но Густав III не внял разумным доводам прусского монарха, чей полководческий талант и искушенность в делах с Россией признавали все без исключения государи Европы, политики и дипломаты самого высокого ранга. Шведский король упорно намеревался помериться силами со своей кузиной Екатериной II, поставив цель вернуть земли, потерянные шведами после войн с Россией при Петре Великом и его дочери императрице Елизавете Петровне.

Для осуществления тщательно вынашиваемых замыслов Густав III привлек известного кораблестроителя и ученого Фредерика Генриха Чапмана (Fredrik Henrik af Charman), стяжавшего известность в ведущих морских державах благодаря собственным оригинальным разработкам и новаторским методам при проектировании судов, основанных на применении точных математических расчетов. Ф. Чапман не замедлил оправдать доверие короля и активно принялся за практическую реализацию масштабного плана создания серийности линейных кораблей и фрегатов. В 1781 г. он получил должность начальника королевских верфей в Карлскроне и за сравнительно небольшой от-

резок времени дал флоту десять линейных кораблей и столько же фрегатов.

Боевым ядром флота Чапман избрал корабли 64-пушечного ранга как наиболее оптимальные для шведских военно-морских сил по параметрам, характеристикам, вооружению, маневренности и условиям плавания на Балтике. В тот период королевский флот Швеции нуждался как в серьезной кадровой реорганизации, так и в обновлении судового состава. Большая часть судов старой постройки оказались непригодными к службе, а новых типа «Wasa», спущенного на воду в 1778 г., было очень мало, что в первую очередь обусловило необходимость реформирования флота, начавшееся при активной поддержке короля. Швеция наращивала военно-морской потенциал не только ради восполнения флота усовершенствованными судами, но с целью нанести решающее поражение России, поэтому Густав III отвел на реформирование предельно сжатые сроки. Эта причина объясняет «поточный метод» постройки десяти кораблей и десяти фрегатов, когда промежуток времени между их закладкой и спуском на воду составлял от трех до четырех месяцев. В этом важном вопросе Чапман исходил из рационального баланса экономических возможностей государства и пропускной способности стапелей, что ему блестяще удавалось. А король, со своей стороны, оказывал щедрую финансовую поддержку строительству сильного флота, выделив на это накануне войны с Россией дополнительные ассигнования в размере свыше двух миллионов риксталеров².

В 1782 г. Густав III санкционировал новую судостроительную программу, главными пунктами которой Чапман и его влиятельный сторонник адмирал Генрих аф Тrolле обозначили следующие: 1. Постройка боевого ядра флота 64-пушечных кораблей типа «Rattvisan» (10 ед., все постройки Чапмана). 2. Модернизация и перевооружение находившихся в строю фрегатов. 3. Постройка новых фрегатов по заданной концепции: первоклассные фрегаты с высоким уровнем боевых возможностей. По программе 1782 года артиллерийское вооружение таких кораблей и фрегатов подразделялось по мирному и военному положениям: в мирное время на кораблях 64-пушечного ранга типа «Rattvisan» ставили 24-фунтовые орудия на нижней орудийной палубе (гон-деке) и 18-фунтовые и 6-фунтовые орудия

на опер-деке и квартердеке соответственно; в военное время — 36-фунтовые на гон-деке и 24- и 8-фунтовые на опер-деке и квартердеке соответственно.

Выполнение судостроительной программы шло успешно, и с 1782 по 1785 г. кроме линейных кораблей сошли на воду десять крупных фрегатов: «Bellona» (головной), «Minerva», «Venus», «Diana», «Froja», «Thetis», «Camilla», «Galathea», «Euredice» и «Zemire». Их длина составляла 150 фут (45,72 м), ширина без обшивки — 39 фут (11,89 м), глубина интрюма от лимберборта до верхнего края бимсов орудийной палубы — 16 фут (4,88) м. Артиллерийское вооружение таких фрегатов состояло из 26 24-фунтовых коротких пушек облегченной конструкции в деке (на оба борта) и 14 6-фунтовых пушек на квартердеке и форкастеле. Экипаж составлял 342 человека³. Фрегаты постройки Чапмана обладали высокими боевыми возможностями и представляли собой реальную боевую силу, что объясняет их наличие в линии баталии наряду с линейными кораблями.

Согласно шведской статистике, за несколько месяцев до войны с Россией, в январе 1788 г., в главной военно-морской базе шведов Карлскруне сосредоточилось до 26 линейных кораблей 70- и 64-пушечного рангов, причем по программе 1782 г. шведы строили корабли 64-пушечного ранга большего водоизмещения, чем российские мастера строили 66-пушечные⁴. Перед началом боевых действий все шведские корабли и фрегаты по артиллерийскому вооружению отличались компактностью установки орудий и упорядоченностью калибров, в результате чего при стрельбе шведы достигали высокой огневой плотности.

В июне 1788 г. Густав III без объявления войны отдал приказ вторгнуться на территорию России и одновременно с действиями сухопутных сил разбить русский Балтийский флот или запереть его в Кронштадте; накануне выхода флота в море, шведы целый месяц провели на учениях и практических стрельбах. Главнокомандующий шведским флотом брат короля герцог Карл Зюдерманландский начал кампанию с 21 линейным кораблем и 12 фрегатами — в основном 40-пушечного ранга, вооруженных крупнокалиберной артиллерией — 24-фунтовыми пушками; в период боевых действий такие фрегаты могли нести до 50 орудий. А 6 (17) июля того года произошло первое крупное морское сражение россиян со шведами у острова Гогланд:

российская эскадра под командованием главнокомандующего морскими и сухопутными силами адмирала С. К. Грейга разбила шведов, после чего они ушли в Свеаборг. Блокируя их, адмирал Грейг неоднократно отсылал письма вице-адмиралу В. П. Фондезину, эскадра которого, назначенная следовать в Средиземное море для действий против Турции, находилась в союзной Дании и стояла на рейде Копенгагена. По причине начала кампании со Швецией Екатерина II приказала этой эскадре вернуться в Балтийское море и соединиться с С. К. Грейгом, который лично просил В. П. Фондезина как можно быстрее покинуть Данию и выйти ему на подкрепление. Грейг опасался, что шведы начнут прорыв из Свеаборга, а он один с сильно поврежденными в сражении кораблями будет не в силах им противостоять, но В. П. Фондезин всякий раз отвечал, что не может выйти из-за постоянных встречных ветров, и продолжал отстаиваться на копенгагенском рейде. Отчаявшись соединиться со свежей, не задействованной в сражении эскадрой, Грейг в начале августа 1788 г. направил Фондезину очень важное предписание. В нем говорилось: «Высочайшим рескриптом предписано вам содействовать вспомогательными датскими силами, как морскими, так и сухопутными. А поелику мне дано знать, что шесть или восемь кораблей датских, два бомбардирских и четыре фрегата под командованием датского контр-адмирала Кригера и еще знатный корпус датского сухопутного войска должен с вами быть против общего неприятеля под главным вашим начальством, то первый вам предмет будет сделать нападение на торговый город Гетебург»⁵.

На том, начальном этапе войны кабинет Екатерины II отводил флоту решающую, наступательную роль. Ему назначалось не только вести боевые операции, но и наносить противнику ощутимый урон путем нападения на главную военно-морскую базу Карлскруну с целью разрушения там инфраструктуры и системы жизнеобеспечения флота. Планировалось также совершить нападение на крупный торговый порт Швеции Гётеборг, так как на этот порт приходилась значительная доля купеческого судоходства с высоким процентом морских грузоперевозок, в основном строевым лесом и железом. По этой причине Екатерина II возложила на вице-адмирала В. П. Фондезина ответственную операцию против Гётеборга и для успеха предприятия рекомендовала привлечь

датские силы. Исходя из этого высочайшего повеления и адресуясь к Фондезину, Грейг выразил надежду, что тот «не пропустит нынешнего удобного случая, пока неприятельский флот мною блокируется в Швиабурге, и большая часть его сухопутных сил находится в Финляндии. Потому, чаятельно, неприятель не будет в состоянии сделать вам большого сопротивления». Действительно, время для операции против Гётеборга представлялось как нельзя подходящее, и прояви тогда В. П. Фондезин необходимую активность с датскими силами, то успех по разрушению тыловой базы противника был бы, несомненно, обеспечен.

В одном из предписаний Грейг пояснял: «Датский капитан г-н Лювен Норн мне кажется человек сведущий, искусный и усердный. Извольте его употребить к себе на корабль как советника, яко совершенно сведущего о всех шведских портах и их расположений. *В порте Готенбурге или в крейсерстве у оного находятся три фрегата шведские сорока-пушечные, а именно: „Беллона“, „Венус“ и „Диана“.* Сии фрегаты должно вам стараться захватить или истребить. В случае же, если датский двор не может довольно подкрепить сухопутными силами к сему важному предприятию, то вы должны с морскими силами крейсировать по восточную сторону Карлскрона против южного конца острова Эланда для встречи шведских кораблей, если бы они ушли из Швиабурга, которые в разсуждении нынешнего осеннего времени и темных ночей могут прокрасца мимо нашего флота»⁶.

Таким образом, располагая важной информацией, полученной от датских офицеров, Грейг обращал внимание Фондезина именно на три первоклассных шведских фрегата — «Беллону», «Венус» и «Диану» постройки Ф. Чапмана. Грейг видел в них серьезную боевую силу даже в том случае, если они будут действовать в одиночку, не говоря уже при их соединении, поэтому приказал «захватить или истребить» эти фрегаты. В предписании Фондезину от 6 сентября 1788 г. Грейг выразил озабоченность по поводу возможной попытки шведов овладеть ключевым сторожевым постом у Гангута «для очищения пути своей галерной флотилии и для перевоза войск из Финляндии в Швецию», поэтому просил Фондезина усилить бдительность и «иметь неослабное смотрение». Фондезину следовало «крейсировать при северном и восточном ветре по Остовую сторону Карлскрона и шхер, называемых Уткилпор, а между тем стеречь,

чтобы они не пробрались по южную сторону к весту»⁷. Но вице-адмирал Фондезин не выполнил приказов главнокомандующего.

15 октября 1788 г. С. К. Грейг скончался на своем флагманском корабле «Ростиславе», а 29 октября секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий оставил в дневнике важную запись: «Резолюция: послать в Данию курьера и велеть брать Готенбург, а Прусскому двору сказать, что нападение на Данию есть объявление войны России». Однако Фондезин после вялотекущего крейсерства вернулся обратно на копенгагенский рейд на зимовку. В целом его совместный с датчанами отряд, в котором находились мощные боевые корабли 100-пушечного ранга, действовал неэффективно и ограничился плаванием на параллели Карлскруны и захватом мелких торговых судов шведов. По этому поводу гофмейстер Двора Е. И. В. граф А. А. Безбородко в письме князю Г. А. Потёмкину-Таврическому напишет: «Наш вице-адмирал Фон Дезин, имев в своей команде три сто пушечные корабля, шесть других рангов и три датских корабля с 4 фрегатами, и снабден был точным повелением противиться неприятельскому входу в Карлскрону, по первым известиям, что принц Карл собирается отправить в море шведский флот, учиня консилиум, решился заранее убраться в датские порты»⁸.

Более того, после разгрузки кораблей Фондезин выслал из Копенгагена транспортное судно с пушками, даже не обеспечив ему охрану и сопроводительный конвой. Судно вместе с пушками захватили шведы, и когда это известие дошло до Санкт-Петербурга, А. В. Храповицкий высказал общее недоумение: «Ея Императорское Величество изволит замечать, что на транспортном судне шведами взято с лишнем сто пушек, но каким образом и зачем то судно из Копенгагена отправлено было, зная, что шведские фрегаты тут крейсируют, да взято в виду трех сто пушечных кораблей, бывших зрителями того?»⁹

В связи с изменившимися обстоятельствами — смертью С. К. Грейга и отменой тщательно подготовленного Средиземноморского похода флота Екатерина II назначила главнокомандующим на Балтике адмирала В. Я. Чичагова. Известный морской историк второй половины XIX в. В. Ф. Головачёв отмечал: в 1788 г. В. Я. Чичагов, не желая воевать под начальством Грейга, в той кампании участия не принял и «сказался больным»¹⁰. В. Я. Чичагова, продолжал В. Ф. Головачёв, можно назвать

хорошим капитаном и хорошим начальником эскадры в мирное время, когда он спокойно расставлял корабли. Но этот адмирал «ни разу не был, во всю свою жизнь, в действительном сражении, и на 64 году своей жизни ему трудно было изучать сумятицу боя и все страсти, волнующие человека во время кровопролития»¹¹. Говоря современным языком, Чичагов совсем не имел опыта боевых действий, а присущая ему гордыня и непризнание решений императрицы не позволили принять участия в сражении у острова Гогланд под начальством адмирала Грейга.

Несмотря на то, что в той баталии Грейг одержал над шведами решительную победу и сорвал их планы, включая получение господства на море и блокаду русского флота в Кронштадте, все же необходимо признать, что война на море не приняла у россиян наступательного характера и перешла в оборонительную. Равно как и не состоялось повторного сражения, которого так искал Грейг и от которого противник всячески уклонялся. Чтобы окончательно разбить все еще остававшегося сильным противника, Грейгу требовалось соединиться со второй балтийской эскадрой Фондезина, но сделать этого по вине последнего не удалось.

Под командование В. Я. Чичагова поступила значительная боевая сила — 20 линейных кораблей, из них семь 100-пушечного ранга, вооруженных 36-фунтовыми пушками в нижних батареях. За счет этого русский Балтийский флот по суммарной мощности бортового залпа значительно превосходил шведский, в составе которого 100-пушечных кораблей не имелось, однако в сражении у Красной Горки в мае 1790 г. Чичагов намеренно не принял участия и не оказал поддержки второй эскадре под начальством А. И. Круза. Пока личный состав героической эскадры Круза мужественно выдерживал двухфазное сражение, главнокомандующий флотом Чичагов со своей эскадрой отстаивался на якорях у острова Нарген на выходе из Ревельского залива. Александр Иванович скромно упомянул об этом, на его взгляд, неподобающем факте в письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву: «Странно и непостижимо для меня, что гос. адмирал Чичагов по сие время не идет ко мне на помощь. Вот уже четыре дня, что я сражаюсь и благодарю Бога за успех, но войску становится уже весьма тягостно»¹².

После того как главные силы шведского флота оказались в Выборгском заливе, В. Я. Чичагов объявил об их блокаде. Нет

сомнения, блокада запертого в портах флота противника рассматривалась как одна из эффективных мер борьбы с ним и, как правило, заканчивалась его разгромом при попытке прорыва в открытое море. Таких примеров из военно-морской истории множество, а к классическим относится блокада английскими морскими силами французских и испанских портов в Атлантике и в Средиземном море, в результате чего происходили сражения или уничтожение главных сил противника.

В случае под Выборгом в планы Чичагова не входило ни то ни другое. Вопреки архивным документам, единичные авторы, не знающие этих документов, ищут оправдание бездействию и нерешительности Чичагова и объясняют его отказ атаковать шведов под Выборгом нежеланием посадить корабли на мель. Эта версия сразу отпадает по нескольким причинам. Во-первых, отсутствие у главнокомандующего карты (за исключением карты А. И. Нагаева) — это миф, поскольку еще в предыдущую Русско-шведскую войну 1741–1743 гг., в царствование Елизаветы Петровны, в Адмиралтейств-коллегии уже имелись планы Финского залива с подробным обозначением мелей. Один из таких планов хранится в делопроизводстве коллегии за 1742 г.¹³, поэтому невозможно представить, чтобы в боевой кампании в распоряжении главнокомандующего флотом не имелось такой карты.

Другой случай произошел накануне Выборгского сражения. Также в делопроизводственной документации Адмиралтейств-коллегии, в разделе «Приговоры и определения» за апрель 1790 г., хранится документ о рассмотрении Генеральным кригсрехтом (военным судом) дела о постановке на мель корабля «Родислав» под командованием капитана 1-го ранга Джеймса Тревенена. Инцидент произошел в октябре 1789 г. между островами Наргеном и Вульфом, и Кригсрехт тщательно выяснял все обстоятельства дела, включая направление ветра (дул от NW, когда эскадра из 17 судов шла по фарватеру к зюйду в сторону Наргена), какие паруса стояли тогда на «Родиславе» и другие подробности. Командир безотлучно находился на шканцах вместе со штурманом, ориентируясь по красным и белым вехам, обозначавшим мели и безопасные участки, но густой туман и мрачная погода помешали обоим рассмотреть «Наргенские белые вехи». Генеральный военный суд оправдал командира и штурмана, признав их невиновными. Более того, суд

рекомендовал Адмиралтейств-коллегии пересмотреть существующие карты с обозначением мелей, и на это заключение коллегия, под датой 1 мая 1790 г., отвечала: «Что же принадлежит до разсуждения Генерального кригсрехта о якобы не правильном положении мели на карте, то о сем, выправясь обстоятельно при коллежской чертежной, с какой описи она на том месте положена, коллегии доложить. А о банке четырех-футовой, на которой корабль поставлен на мель, велеть от Канторы главного командира Ревельского порта сделать промер и положить на карте, и какая между старым и новым положением разность, отделить оное краскою и представить в коллегияю. Посему куда следует послать указы»¹⁴.

20 мая того же 1790 г. в протоколе слушаний дел Адмиралтейств-коллегии записано: «Слушали и решили следующие дела. По репорту канторы Главного командира Ревельского порта о посланном на мелях и рифах вехах, а на каких именно местах приложена с пеленгов копия. Объявляя при том, что на протчих мелях в разсуждении нынешних экстренных случаев и военного времени таковых вех еще не поставлено, а когда поставятся, то впредь донесено быть имеет.

Приказали: оный репорт отдать к протчим таковым же, а с присланного описания вехам для надлежащего сведения в контору Главного командира Кронштадтского порта препроводить копию, а таковые же послать и господину вице адмиралу и кавалеру фон Крузу, отправленному с эскадрою в море»¹⁵.

В отличие от указанных мест, акватория Выборгского залива была изучена достаточно основательно, и если требовалась небольшая корректировка на картах, то специалисты и морские офицеры быстро справились с приказом Адмиралтейств-коллегии. То, что адмирал Чичагов длительное время не предпринимал никаких действий против флота противника, запертого в Выборгской губе, объясняя тем, что он мерит глубину или ветер ему неспособный, является отговоркой и его нежеланием уничтожать шведов. Имевшиеся в его распоряжении корабли 100-пушечного ранга специально проектировали с учетом их будущей службы в водах Балтики, рассчитав водоизмещение, нагрузку, артиллерийское вооружение и т. д. Другую часть 100-пушечных кораблей проектировали уже с учетом операций

в Средиземном море и, следовательно, с иными тактико-техническими элементами. Поэтому говорить о намерении Чичагова сберечь флот означает оправдать его в неприменении флота по прямому назначению для решения оперативно-тактических задач на театре военных действий. Стоит заметить, что в Великобританском флоте подобные действия расценивались как государственная измена и виновный начальник эскадры подлежал суду и даже расстрелу на шканцах корабля.

В решающей кампании россиян со шведами в 1790 г. из-за бездействия главнокомандующего флотом кабинет Екатерины II вынужден был окончательно признать войну оборонительной, и главной задачей поставил не допустить шведов в Финский залив. Однако адмирал Чичагов проигнорировал все высочайшие предписания и рескрипты, и не только допустил противника к российским берегам, но и позволил шведскому флоту свободно перемещаться как в Финском, так и в Выборгском заливах. Опираясь на документы, в том числе и ранее неизвестные, подробно проследим тот трагический и героический этап в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

5 апреля 1790 г. Екатерина II направила рескрипт главнокомандующему сухопутными войсками в Финляндии генерал-аншефу И. П. Салтыкову с приказанием тесно взаимодействовать с обоими адмиралами — В. Я. Чичаговым и А. И. фон Крузом «и по всей возможности друг другу поспособливать»¹⁶. И. П. Салтыков настоятельно просил Чичагова оказать содействие сухопутным частям и возвести батарею на мысе Крюссерорд, на что имелся соответствующий указ Екатерины II. Однако невыполнение этого указа Чичагов объяснил тем, что «сооружение сие сопряжено со многими трудностями» и сомнением в пользе такого действия. Однако, как покажет время, российские военные не ошибались, когда доказывали необходимость сооружения батареи на Крюссерорд, так как противник предпринял прорыв из Выборгской губы именно мимо этого мыса, а батарея могла бы встретить шведов калеными ядрами и бомбами. Устроить батарею предполагали в несколько этапов с помощью мелких судов, нагружая их 12- и 24-фунтовыми пушками и рейсами отправляя к мысу. Времени в распоряжении Чичагова имелось достаточно, поскольку стоянка флота под Выборгом без всякого движения продлилась почти месяц.

Накануне итогового Выборгского сражения сложился такой расклад сил: у шведов 30 линейных кораблей и фрегатов с общим количеством 850 орудий с одного борта. В центральной позиции русского флота под Выборгом находились 18 кораблей (из них семь 100-пушечных) также с общим количеством до 850 орудий с одного борта; на флангах в отрядах под начальством П. И. Лажневца и И. А. Поваляшина девять кораблей и фрегатов с 400 орудиями с борта. При желании и предприимчивости Чичагов мог бы успешно атаковать противника, когда русский флот занимал наветренное положение, но, как известно, история не приемлет сослагательного наклонения.

Участник войны со шведами генерал-майор П. И. Турчанинов докладывал графу А. А. Безбородко: пленные шведские офицеры «опасались и утверждали, что ежели будет на Крюсерорте батарея, то их ближние корабли должны были пропасть, и спасения другого не было»¹⁷. Другими словами, в случае выполнения требований генерала И. П. Салтыкова и высочайшего указа, шведский корабельный и гребной флоты при прорыве из Выборгской губы неизбежно понесли бы большие потери, или — при удачном раскладе — полностью были бы уничтожены. Но в течение почти четырех недель стоянки под Выборгом Чичагов не предпринял никаких действий. По этому поводу шведский историк К. А. Юлленгранат высказал предположение: «Нет сомнений в том, что уцелевший шведский флот обязан спасением исключительно той странной нерешимости, с которой русский адмирал действовал и вступал под паруса. Многие были уверены, что он нами подкуплен, чтобы не совершать нападения. Но это мнение голословно и не доказуемо, однако трудно объяснить причины такой медлительности и нерешительности русского адмирала»¹⁸.

Еще до ухода шведов в Выборгский залив главнокомандующий занял выжидательную позицию и не торопился с выходом на поиски противника. В течение всего апреля 1790 г. он докладывал в Зимний дворец, что «флот В. И. В. со всем его экипажем в совершенной готовности к выходу на рейд, но удерживаются в гавани переменные крепкие северо-восточные ветры». Затем писал, что корабли выведены на рейд, но с моря иногда «наносит льды», хотя Ревельский рейд очистился ото льда еще 16 марта и эскадра могла свободно выходить в море на соединение с кронштадтской.

Также еще 22 апреля 1790 г. Екатерина II напоминала Чичагову: «Известно вам, в каком количестве повелели Мы вооружить морские силы Наши для действия на настоящую кампанию против неприятеля Нашего короля шведского. Из числа оных для составления главного флота назначили Мы двадцать один корабль линейные, и между ими семь сто-пушечных, кроме фрегатов и других судов для разных услуг тут потребных. Мы совершенно удостоверены, что вы употребили все способы от вас зависевшие, дабы корабли и прочие суда в Ревеле находящиеся, приведены были в надлежащую исправность, так, чтобы по вскрытии вод и очищении оных от льда могли тот час выйти в море»¹⁹. В этом же рескрипте императрица предписывала Чичагову нарушать коммуникации противника, то есть препятствовать его торговле и подвозу припасов к главным силам армии и флота, путем «занятия постов в Барезунде, Паркалауте и Гангуте». Особенно она обращала внимание на большое значение поста у Гангута по причине близости дороги, ведущей к Або, откуда русским сухопутным отрядам можно «производить поиски на Абовскую дорогу, или же и к самому сему городу».

Очень важные наставления Екатерины II содержатся далее в том же указе: «По собрании сил ваших, приступите к распоряжениям для охранения безопасности Финского залива, дабы избежать вреда, каковому прошедшего года подвержены были наши провиантские подвозы, не взирая на обращение в море многочисленных военных судов наших. Для сего учредите главный пост при Гохланде, от которого разъезды должны ходить к острову Аспо. Тут устроится пост от галерного флота. Другой разъезд от Гохланда должен ходить к весту до Наргена и далее до Оденсгольма или до иного места по лучшему вашему усмотрению назначаемого, чтоб ни одно шведское судно не могло прокрасться.

Предполагая главные действия на настоящую кампанию от сухопутной армии и галерного флота, сокращаем таковые нашего корабельного вооружения в двух пунктах. Первый: закрыть все операции в Финском заливе, смотря по успехам, к Шведским берегам или в Ботнический залив. Второй: *при покушении Шведского флота к выходу в море и сближению к водам здешним, сразиться с ним и одержать решительную поверхность*. Для сего не нужно будет вам отдаляться в Балтийское море. Флот вами

предводимый снабден достаточно как флагманами, так и капитанами, службою долговременною сих степеней достигшими, из которых большая часть могли в течение двух прошедших кампаний утвердиться в практическом познании»²⁰.

Самые поразительные (с точки зрения невыполнения высочайшего указа) действия со стороны Чичагова последовали после получения этого рескрипта. Через неделю он невозмутимо доложил императрице: «Неприятельский флот простирается до тридцати разной величины судов и лавирует от запада к востоку, почему и полагаю я нападение от него на здешнюю В. И. В. часть флота неизбежным». Чичагов считал, что шведские силы «несравненно превосходнее» русских, поэтому он не имеет «возможности выйти в море и вступить с ними в бой под парусами», и в связи с этим принял решение расположить эскадру на якоре «в таком отдалении от гавани, чтобы в случае надобности действовать с оной пушками»²¹. В результате море для шведов осталось свободным, и королевский флот беспрепятственно подошел на вид Ревеля (Таллина), где и вступил 2 мая в перестрелку с русской эскадрой.

Короткой депешей после боя под Ревелем, от 10 мая, адмирал Чичагов также спокойно уведомил императрицу — будто ничего не зная о ее предыдущем предписании сразиться со шведами и одержать над ними «решительную поверхность»: «Неприятельский флот и по сие время находится в виду нашем. Иногда видим, бывает лавирующим и приближающимся к нам, а иногда удаляющимся и стоящим на якоре».²² Читая эти и другие донесения, логично возникают вопросы: а по какой причине начальствующий флотом занял выжидательную позицию, почему не атакует противника, не действует решительно и смело, как, например, его современник адмирал Ф. Ф. Ушаков на Чёрном море, когда блестяще атаковывал турецкий флот и одерживал победы? Наконец, почему Чичагов так демонстративно игнорировал высочайшие приказы и повеления и какое право он имел так поступать? Вопросы остаются без четкого и ясного ответа — можно лишь выдвигать те или иные предположения.

В следующих рескриптах, например от 4 июня 1790 г., Екатерина II вновь просила Чичагова разбить шведский флот, ушедший в Выборгскую губу, и на этот раз не упустить его, для чего «на разных местах единовременно атаковать неприятеля.

Екатерина подчеркивала: «Положение настоящее неприятеля представляет случай удобный к истреблению мореходных его сил, от части в бухту Выборгскую ушедших, от части утвердившихся между островами Бьерко и Твердою Землею в проливе, именуемом Березовым. Как достижение сея цели не токмо будет споспешествовать восстановлению мира, но и самый сей мир учинить на долгое время прочным». Кроме того, «против шведского короля» она разрешала «употребить всякие огненные заряды и средства», например зажигательные снаряды — брендсугели²³. Но, как покажут дальнейшие события, главнокомандующий проигнорировал и этот указ императрицы.

Тем временем русские сухопутные армейские части вели тяжелые и неравные бои с противником на подступах к крепости Фридрихсгам и к Выборгу. В этой связи характерна реляция И. П. Салтыкова Екатерине II от 5 мая 1790 г.: «Сию минуту я получил уведомление от Выборгского губернатора, что неприятель показался в двух фрегатах и в 40 канонирских судах близ Роченсальма, а в 7 часов вечера в 12 верстах от Фридрихсгама». Чтобы не допустить прорыва шведов к Фридрихсгаму, с этой флотилией вступил в бой малый отряд русских судов, которые после трехчасовой перестрелки из-за неравенства сил вынуждены были отступить. Генерал Салтыков, находясь в штаб-квартире в Выборге, отрядил небольшую часть войск к Фридрихсгаму с приказом следовать на помощь коменданту крепости, которую ни в коем случае не сдавать. Положение у Фридрихсгама сложилось тяжелое, Густав III лично направил к коменданту Фридрихсгама требование о сдаче и начал обстрел крепости, и Салтыков обращался к Екатерине II с просьбой как возможно скорее направить эскадру в Финский залив, по которому из-за бездействия Чичагова шведы свободно передвигались. В реляции от 9 мая 1790 г. И. П. Салтыков прямо изложил императрице положение дел под Выборгом: «Армия Вашего Императорского величества в малом числе, а имея обширную дистанцию, расположена по частям и вся против неприятеля, которого еще усиливается его флотилия. А он же, имея свободный ход на водах Финского залива, мог бы завладеть нашими берегами, ежели бы защищения оставить»²⁴.

11 мая 1790 г. положение на суше и на море стало еще тревожнее. Главнокомандующий войсками граф И. П. Салтыков

докладывал: вначале десять, потом до тридцати кораблей противника начали движение в сторону Выборга, оборону которого на отдельных участках держали казацкие разъезды. Причем Салтыков подчеркнул, что шведам хорошо известны все три фарватера, по которым они пройдут к Выборгу, поскольку фарватеры не «ограждены резервною или какою эскадрою из Кронштадта». Салтыков вновь и вновь акцентировал внимание императрицы на том, что поскольку *с моря подкрепления нет*, поэтому «принужденным нашелся в сих нужных обстоятельствах советовать господину контр-адмиралу Козлянинову, чтоб он вывел свои фрегаты и бомбардирский катер, и взял позицию от редута Гаркон Сари поперек фарватера, дабы плывущему неприятелю на канонирских судах, обходя Траль Зунд боковыми фарватерами, на здешнюю рейду воспретить вход». Главнокомандующий армией взывал к императрице: *Финский залив остаётся без защиты, шведский флот свободно там оперирует, обстреливает гребными судами, вооружёнными крупнокалиберными 36-фунтовыми пушками, побережье заливов Гекфорского, Кюменогорского, Сутоловского и Елльильского, «и ежедневно делает покушения на наши посты»*. На остров Гекфорский шведы пытались высадить десант, но малочисленный гарнизон воспрепятствовал высадке и сильным ружейным огнем, подкрепленным с береговых батарей, вынудил противника уйти обратно в море²⁵.

Крайне важным можно назвать донесение И. П. Салтыкова от 5 июня 1790 г., в котором он сообщал: «Неприятель нынешнюю ночью посадя свои войска на три галеры, два прама и со многими канонирскими лодками во втором часу произвел атаку на батарею, учрежденную генерал майором Ферзеном на мысе из трех пушек. Неприятель, имея 24-х фунтовые орудия, мог удобно сбить с лафетов наши пушки, и кинувши две бомбы, подорвал два ящика с зарядами, и тем принудил находящихся на батарею у прикрытия пятьсот человек, оставить оную и ретироваться к главному посту к Коскису.

В 5-м же часу неприятельские суда потянулись вверх к Выборгу, заходя в тыл генерал-майору Ферзену, оставя в Куколе часть войска пехоты. [Неприятель] имеет покушение сделать на Выборг или зайтить в тыл нашей флотилии и войскам, состоящим в команде генерала Ферзена, также и прервать сообщения от Выборга и до столицы... Все на сухом пути приготовления

к удержанию замыслов [неприятеля] не могут быть достаточны. Имея он на воде беспрепятственное плавание, ежели наша флотилия, состоящая ныне в Кронштате, не подаст своею оказалостию неприятелю внимания, неприятель может от воды без помешательства бомбардировать и на Выборг, а галерную флотилию сзади сжечь. *На вчерашнее мое уведомление к господину адмиралу Чичагову, я получил сего дня от него ответ, что он не находит средств подкрепить нашу гребную эскадру.* Я о всем том, какие имею опасности, не преминул вице-адмирала Козлянинова уведомить». Тогда в распоряжении И. П. Салтыкова имелось всего 23 тысячи человек, которыми он «должен содержать обширную дистанцию, оберегать столько важных крепостей, имея повсюду от воды и земли неприятеля, и без всякой мне помощи от наших флотов»²⁶.

Стоит остановиться и на таком факте. Вопреки голословным уверениям современных авторов о катастрофическом состоянии русского флота перед решающим сражением под Выборгом 22 июня 1790 г., о нехватке пушек, снарядов, матросов и т. д. необходимо привести архивные документы. В начале июня 1790 г. главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин прислал графу И. Г. Чернышеву благодарственное письмо, в котором коротко сообщил: «Всё, что надобно для флота, от Адмиралтейства получено» — пушки, ядра, строевой лес и многое другое²⁷. 4 июня И. Г. Чернышев уведомил императрицу, что ко флоту отправлена дополнительная партия матросов, а известный доктор А. Г. Бахерахт выехал в госпитали Кронштадта и Ораниенбаума, чтобы лично осмотреть нижних чинов, проследить за ходом их лечения и выписать тех, кто уже выздоровел и сможет выйти в море. На следующий день, 5 июня, Чернышев дополнил предыдущее донесение: «В порохе недостатка нет, ибо отправлено 1000 пуд, а 3160 пуд из Главной Артиллерии обещают дать в будущий понедельник». Транспортные суда «Холмогор» и «Туртухан», отправленные ко флоту с материалами и порохом, вышли 18-го и 19-го июня и успели вовремя перед сражением²⁸.

Также положение дел под Выборгом поправили и действия Адмиралтейств-коллегии в отношении лечения рекрутов, которые следовали в Санкт-Петербург и Кронштадт из российских губерний — Симбирской, Вятской, Казанской. Так, 7 мая 1790 г.

Новгородское наместничество уведомило коллегия, что в Тихвине осталась партия рекрутов, следовавших из Вятки с прапорщиком Фрыгаловым. По распоряжению Екатерины II, для выяснения обстановки коллегия направила в Тихвин капитана Тарасова и лекаря Юскевича, которые доложили в коллегия, что «из числа означенной партии рекрут в 539 человек умерших 148, бежавших 10, больных в лазарете 181, а остальные 200 человек 23-го числа апреля отправлены с прапорщиком Фрыгаловым в Петербург, а больные находятся в не опасных болезнях». Лекарь Юскевич принял меры для лечения заболевших, а вскоре по личному распоряжению императрицы в Тихвин к капитану Тарасову поступила сумма денег с приказанием «в скорейшем пользовании больных обще с лекарем приложить крайнее старание, употребляя лекарства и другие вещи, какие по искусству того лекаря надобны будут»²⁹.

Подводя итог, остановимся на главных выводах. В сражении под Выборгом активно участвовали малочисленные отряды российских судов под начальством Р. В. Кроуна, Л. А. Повалишина и П. И. Лежнева, но адмирал В. Я. Чичагов сделал все возможное для того, чтобы открыть шведам во главе с королем Густавом III свободный коридор из-под Выборга и спасти их от полного разгрома и уничтожения. Коротко событиям под Выборгом подвела итог Николаевская морская академия в Санкт-Петербурге: «Это была не победа, как считает большинство, а наоборот, это было для нас большое поражение, ибо мы выпустили из рук огромный шведский флот, который, если бы Чичагов действовал как следует, весь попал бы нам в руки»³⁰. Сигнал погони Чичагов дал только после того, как главные силы шведского флота беспрепятственно вышли из залива и оказались вне досягаемости русских фрегатов.

1 июля 1790 г., уже после сражения и благополучного спасения противника, главнокомандующий флотом невозмутимо доложил Екатерине II: «Исполняя высочайшую волю Вашего Императорского Величества о недопущении неприятеля к уходу в Карлскрон, решился я для уничтожения таковых его покушений расположить флот между Наргена и Вульфа на якоре, откуда и при северном ветре, каковым неприятель более других может воспользоваться, удобнее можно сняться с якоря и вступить под паруса, нежели находясь на Ревельской

рейде, где пребывая иногда и совсем исполнить сего будет невозможно. Для наблюдения за неприятельскими движениями оставил я отряд между Кокшара и Свеабурга, состоящий из двух кораблей и трех фрегатов под командою капитана бригадирского ранга Тета»³¹. Но через некоторое время шведский флот уже находился в Свеаборге, а адмирал Чичагов, по его словам, «наблюдал за ним»³².

После тяжелой войны 1788–1790 гг. и заключения мира Россия не получила от шведов ни контрибуции, ни новых земель, ни каких-либо компенсаций, какие приобрела от Турции после блестящих побед адмирала Ушакова на Чёрном море. По сути, такое положение дел представляло собой нонсенс, если держава считалась вышедшей из войны победительницей. Мирный договор, заключенный Россией со Швецией 3 (14) августа 1790 г. в Вереле и ратифицированный сторонами 9 (20) августа, подтвердил на Балтике довоенные границы и status quo. Исследователь проблем Швеции и Финляндии историк позапрошлого столетия К. К. Злобин высказал мысль: король Густав III «успел кончить эту войну миром в Вереле, на основании status quo, и это, без сомнения, много, если сравнить обоюдные силы России и Швеции. Этого урока мы не должны забывать»³³. Тем не менее именно адмирал В. Я. Чичагов получил высшую военную награду России — орден Святого Георгия 1 класса, а не его успешный современник и талантливый флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков.

¹ Отец Густава III, шведский король Адольф I Фредрик, бывший Голштинский (Голштейн-Готторпский) герцог и епископ Любский, приходился родным братом матери Екатерины II княгине Ангальт Цербстской Иоганне-Елизавете и был женат на родной сестре прусского короля Фридриха II Луизе Ульрике фон Гогенцоллерн. Подробнее об этом см: Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2007. 719 с. Она же. Фрегат «Venus» в Русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб.: Остров, 2015. 199 с. Также см: Лукошков А. В. Величайшая морская битва льва с орлом. СПб.: Блиц, 2017. 655 с.

² Harris Daniel F. H. Chapman. The First Naval Architect and His Work. London: Naval Institute Press, 1989. P. 129–130.

³ Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 548–549.

⁴ Ibid. S. 346–351.

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный Департамент МИД РФ (АВПРИ. ИДД МИР РФ). Ф. 96. Сношения России со

Швецией. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 3–4 об. От 8 августа 1788 года. Подпись С. К. Грейга собственноручная.

⁶ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 3–4 об. От 8 августа 1788 года (в тексте курсивом выделено мною. — Г. Г.)

⁷ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 8.

⁸ А. А. Безбородко — Г.А. Потёмкину, 23 ноября 1788 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1886. Т. 26. С. 302–303.

⁹ Копия с записки А.В. Храповицкого. Без даты: РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 390. Л. 34.

¹⁰ Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1871. С. 31.

¹¹ Там же. С. 94–95.

¹² РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 352. Л. 240–240 об. Край документа с указанием даты оторван; Л. 248 об.

¹³ РГАВМФ. Ф. 212. 1742 год. Д. 6. Л. 11 об.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 20.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 466–466 об.

¹⁶ Материалы для истории Русского флота (МИРФ). СПб.: Тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. С. 23.

¹⁷ П.И. Турчанинов — графу А. А. Безбородко, 23 июня 1790 года // МИРФ. Ч. XIV. С. 128.

¹⁸ Gyllengranat С.А. Sveriges Sjökrigs-historia i Sammandrag. Bd. 2. Carlskrona, 1840. S. 261.

¹⁹ Частично опубликован: МИРФ. Ч. XIV. Полностью: АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 1–5.

²⁰ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 1–5 (в тексте курсивом выделено мною. — Г. Г.)

²¹ Цит. по: Головачёв В. Ф. Указ. Соч. Т. 2. С. 58.

²² МИРФ. Ч. 14. С. 58.

²³ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 16 об., 19, 52 об. Все реляции графа И.П. Салтыкова на высочайшее имя, хранящиеся в АВПРИ, собственноручно им подписаны.

²⁴ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1533. Л. 36 об., 37 об., 39 об.

²⁵ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1533. Л. 45–46 (курсивом выделено мною. — Г. Г.)

²⁶ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1570. Л. 44 (курсивом выделено мною. — Г. Г.)

²⁷ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 346 б. Л. 396.

²⁸ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1573. Л. 2, 6–7, 11.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 189–190.

³⁰ РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 466.

³¹ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1594. Л. 1.

³² АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1594. Л. 23.

³³ Цит. по: Сборник Русского Исторического Общества. Т. 2. С. 66.

Литература

Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1871. 290 с.

Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2007. 719 с.

Гребенщикова Г. А. Фрегат «Venus» в Русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб.: Остров, 2015. 199 с.

Лукошков А. В. Величайшая морская битва льва с орлом. СПб.: Блиц, 2017. 655 с.

Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб.: тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. 633 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1886. Т. 26. 402 с.

Harris D. F. H. Chapman. The First Naval Architect and His Work. London: Naval institute press, 1989. 455 p.

Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö: A.-B. Allhems, 1943. 561 s.